

Гомосексуальное влечение

Гомосексуальное влечение

Поиск любви и близости

«Эмоциональный голод в общении с мужчинами», считает Грин (1987, 377), «обуславливает в дальнейшем поиск мужской любви и гомосексуальной близости». Многие современные исследователи проблемы гомосексуальности пришли к этому заключению. Это так, если принять во внимание комплекс мужской неполноценности и жалость к самому себе. Действительно, мальчику могло болезненно недоставать уважения и внимания отца, в других случаях - брата (братьев) или сверстников, что принуждало его чувствовать себя принижено по отношению к другим мальчикам. Вытекающая отсюда потребность в любви - это фактически потребность в принадлежности к мужскому миру, в признании и дружеском отношении тех, ниже кого он чувствует себя.

Но, поняв это, нам нужно избежать распространенного предрассудка. Бытует мнение, будто люди, недополучившие в детстве любви и психологически травмированные этим, способны залечить душевные раны восполнением недостатка любви. На этой предпосылке основаны различные терапевтические подходы. Не все так просто.

Во-первых, большое значение имеет не столько объективный недостаток любви, сколько детское ее восприятие - а оно субъективно по определению. Дети могут неверно интерпретировать поведение своих родителей, и, с присущей для них тенденцией все драматизировать, могут вообразить, будто они нежеланны, а их родители ужасны, и всё в этом же духе. Берегитесь принимать подростковый взгляд на отношение родителей за объективное суждение!

Более того, "пустоты любви" не заполняются простым изливанием в них любви. И, убежденный в том, что это и есть решение проблемы, подросток, чувствуя себя одиноким или приниженым, воображает: «Если я получу любовь, которой мне так недостает, то, наконец, стану счастливым». Но, если мы примем такую теорию, то упустим один важный психологический факт: существование привычки жалеть себя. Прежде чем подросток привык жалеть себя, любовь действительно может помочь преодолению его неудовлетворенности. Но как только отношение к себе «бедный я» укоренилось, его поиск любви уже более не является конструктивной и целительной мотивацией, объективно направленной на восстановление целостности. Этот поиск становится частью само-драматизирующего поведения: «Мне никогда не получить той любви, которой я хочу!» Желание это *ненасытно* и удовлетворение его недостижимо. Поиск однополый любви - это жажда, которая не насытится, доколе не иссякнет ее источник, отношение к себе как к «себе-несчастному». Еще Оскар Уайльд сетовал так: «Я всегда искал любви, но находил лишь любовников». Мать лесбиянки, покончившей с собой, сказала: «Всю жизнь Элен искала любви», но, конечно, так и не нашла её (Хансон 1965, 189). Почему же? Потому что была поглощена жалостью к самой себе по той причине, что *её не любили* другие женщины. Иными словами, она была «трагическим подростком». Истории гомосексуальной любви - это, в сущности, драмы. Чем больше любовников, тем меньше удовлетворения у страдальца.

Этот механизм псевдо-восстановления действует подобным образом и в других людях, ищущих близости, и многие невротики отдают себе в этом отчет. Например, у одной молодой женщины было несколько любовников, и все они для нее представляли фигуру заботливого отца. Ей казалось, будто каждый из них обращался с ней дурно, поскольку она постоянно испытывала к себе жалость от того, что её не любят (взаимоотношения с отцом стали отправной точкой развития её комплекса). Как может близость исцелить того, кто одержим трагической идеей о

собственной «отверженности»?

Поиск любви как средства утешения душевной боли может быть пассивным и эгоцентричным. Другой человек воспринимается лишь как тот, кто должен любить «меня несчастного». Это выпрашивание любви, а не зрелая любовь. Гомосексуалист может чувствовать, будто он привлекательный, любящий и ответственный, однако в действительности это лишь игра, чтобы привлечь к себе другого. Всё это в сущности сентиментальность и непомерный нарциссизм.

Гомосексуальная «любовь»

«Любовь» в данном случае должна быть поставлена в кавычки. Потому что это не истинная любовь, как любовь мужчины и женщины (в ее идеальном развитии) или любовь в нормальной дружбе. На самом деле это подростковая сентиментальность – «щенячья влюбленность», плюс эротическая страсть.

Некоторые особо чувствительные люди могут оскорбиться от такой прямолинейности, однако это правда. К счастью, некоторым полезно для исцеления посмотреть правде в глаза. Так, услышав это, один молодой гомосексуалист, например, осознал наличие у себя комплекса мужской неполноценности. Но когда дело коснулось его романов, то он вовсе не был уверен в том, что сможет жить без этих случайных эпизодов «любви», делавших жизнь полноценной. Возможно, эта любовь была далеко не идеальной, но.... Я объяснил ему, что его любовь – чистейшая детскость, эгоистичное потакание себе, и потому иллюзорна. Он обиделся, больше оттого, что был довольно высокомерен и самонадеян. Тем не менее, несколько месяцев спустя он позвонил мне и сказал, что, хотя вначале и был взбешен, теперь «проглотил» это. В результате он почувствовал облегчение и вот уже несколько недель, как внутренне свободен от поиска этих эгоцентричных связей.

Один средних лет гомосексуалист, голландец, рассказывал о своем одиноком детстве, в котором у него не было друзей, и он был изгоем среди мальчишек, потому что его отец был членом нацистской партии. (Я встречал немало случаев гомосексуальности у детей «предателей» Второй мировой войны.) Потом он повстречал чуткого, понимающего молодого священника и влюбился в него. Эта любовь стала самым прекрасным переживанием в его жизни: между ними было почти совершенное взаимопонимание; он испытал умиротворение и счастье, но, увы, по той или иной причине, их отношения не могли продолжаться дальше. Подобные истории могут убедить наивных людей, которые хотят проявить «заботу»: «Значит, гомосексуальная любовь *все-таки иногда существует!*» И почему бы не одобрить красивую любовь, даже если она и не совпадает с нашими личными ценностями? Но давайте не будем обманываться, как обманывал себя этот голландец. Он купался в своих сентиментальных юношеских фантазиях об идеальном друге, о котором всегда мечтал. Ощущая себя беспомощным, жалким и всё же, - о! - таким чувствительным, раненым маленьким мальчиком, он наконец обрел лелеющего его человека, которого он, в свою очередь, обожал и буквально возвел в ранг идола. В этих отношениях он был абсолютно эгоистически мотивирован; да, он давал своему другу деньги и делал для него многое, но затем лишь, чтобы покупать его любовь. Образ его мыслей был немужественным, нищенским, рабским.

Жалеющий себя подросток восхищается именно теми, кто обладает – на его взгляд – недостающими ему самому качествами. Как правило, средоточием комплекса неполноценности у гомосексуалистов является восхищение теми качествами, которые они видят в людях своего пола. Если Леонардо да Винчи привлекала уличная шпана, у нас есть причина предположить, что он воспринимал себя слишком благонаравным и чересчур хорошо воспитанным. Французский романист Андре Жид ощущал себя закомплексованным мальчиком-кальвинистом, которому не полагалось водиться с более резвыми ребятами своего возраста. И

эта неудовлетворенность породила в нем бурный восторг бесшабашными бездельниками и страсть к распутным отношениям с ними. Мальчик, имевший беспокойную, неагрессивную мать, стал восхищаться мужчинами военного типа, поскольку в себе видел совершенную противоположность. Большинство мужчин-гомосексуалистов привлекают «мужественные» молодые люди атлетического телосложения, жизнерадостные и легко сходящиеся с людьми. И в этом их комплекс мужской неполноценности наиболее очевиден – женоподобные мужчины не привлекают большинство мужчин-гомосексуалистов. Чем сильнее лесбийские чувства у женщины, тем менее она обычно чувствует себя женственной и тем настойчивее ищет женственные натуры. Обоих партнеров гомосексуальной «пары» - по крайней мере, поначалу - привлекают физические качества или черты характера другого, связанные с мужественностью (женственностью), которыми, как им кажется, сами они не обладают. Другими словами, им видится, будто мужественность или женственность их партнера гораздо «лучше», чем их собственная, хотя фактически мужественности или женственности недостает им обоим. То же самое происходит и с человеком, имеющим другой вид комплекса неполноценности: он с почтением относится к тем, кто, на его взгляд, обладает такими способностями или чертами, недостаток которых в нем самом заставляет его чувствовать себя неполноценным, даже если это чувство объективно не оправдано. Кроме того, маловероятно, чтобы мужчина, которым желают обладать за его мужские качества, или женщина, которой желают обладать за ее женственность, когда-либо станут партнерами гомосексуалиста или лесбиянки, поскольку именно такие типы обычно гетеросексуальны.

Гомосексуальный выбор «идеала» (насколько это можно назвать «выбором») определяется, главным образом, фантазиями подростка. Как в истории с мальчиком, который жил неподалеку от военных казарм и развил фантазии о военных, свою роль в формировании этих фантазий идеализации может сыграть любая случайность. Девочка, переживавшая унижение из-за того, что мальчишки в школе смеялись над ее полнотой и "провинциальностью" (она помогала отцу на ферме), начала восхищаться очаровательной одноклассницей с изящной фигуркой, светлыми волосами и во всем отличной от нее самой. Эта «девочка из фантазии» стала эталоном для её будущих лесбийских исканий. Правда и то, что свою долю в формировании у нее чувства неуверенности в себе внесло отсутствие близких отношений с матерью, но лесбийское влечение как таковое пробудилось в ней только тогда, когда она сравнила себя с той конкретной девочкой. Сомнительно, чтобы лесбийские фантазии могли возникнуть или развиваться лишь в том случае, если бы она действительно подружилась с той девочкой; фактически, подруга её мечты не выказывала к ней никакого интереса. В период полового созревания девочки склонны *испытывать порывы чувств* к другим девочкам или учительницам, которых они обожают. В этом смысле, лесбиянство есть ничто иное, как закрепление этих подростковых порывов.

Подросток, чувствуя себя приниженным, эротизирует то, чем он восхищается в идеализируемых типах своего пола. Желанной представляется ему тайная, исключительная, нежная близость, которая согрела бы его бедную одинокую душу. В пубертате обычно не только идеализируют личность или тип личности, но и испытывают эротические чувства в отношении этой личности. Потребность в ободрении от кумира (чье тело и внешность вызывают восхищение, нередко завистливое), может перейти в порождающее эротические мечтания желание любовных ласк с ним или с нею.

Женственный юноша может в своих фантазиях приходиться в возбуждение от того, что он по своей незрелости принимает за символы мужественности: мужчины в кожаной одежде, с усами, верхом на мотоцикле и т.п. Сексуальность многих гомосексуалистов сосредоточена на *фетишах*. Они одержимы нижним бельем, большим пенисом, и т.д., всем, что указывает на их пубертальную половую жизнь.

Скажем несколько слов и насчет той теории, будто гомосексуалисты в своих партнерах ищут своего отца (или мать). Я думаю, что это только отчасти так, т.е. насколько от партнера ожидают отцовского (или материнского) к себе отношения, если они субъективно испытывали недостаток отцовской или материнской любви и признания. Однако даже и в этих случаях цель поиска – *дружба* с представителем своего пола. В фантазиях многих решающее значение имеет не столько отцовский/материнский элемент, сколько детское или юношеское травмирование, связанное с их возрастной группой.

Подростковая эротизация идиолов своего пола не является чем-то необычным сама по себе. Важен вопрос, почему она захватывает кого-то настолько, что вытесняет многие, если не все, гетеросексуальные влечения? Ответ, как мы уже увидели, лежит в глубоком подростковом чувстве уничижения по отношению к сверстникам своего пола, ощущении «непринадлежности» и жалости к самому себе. У гетеросексуалов существует аналогичный феномен: похоже, что девушки, истерично боготворящие поп-звезд мужского пола, чувствуют себя одиноко и думают, будто они непривлекательны для юношей. У людей, склонных к гомосексуальности, притягательность к идолам своего пола тем сильнее, чем глубже их ощущение собственного безнадежного «отличия» от других.

Сексуальная зависимость у гомосексуалистов

Гомосексуалист живет в мире фантазий, прежде всего, сексуальных. Подросток утешается похотью романтических мечтаний. Интимная близость представляется ему средством утolenия боли, самым раем. Он жаждет близких отношений, и чем дольше он лелеет эти фантазии в своем замкнутом внутреннем мире, или мастурбирует, погружаясь в эти грезы, тем сильнее ими поработается. Это можно сравнить с пристрастием к алкоголю и производимому им состоянию фальшивого счастья у невротиков или людей с другими расстройствами: постепенный уход в нереальный мир желанных фантазий.

Частые мастурбации закрепляют эти любовные мечты. Для многих юных гомосексуалистов мастурбация становится навязчивым влечением. Кроме того, эта форма нарциссизма снижает интерес к реальной жизни и удовлетворение ею. Подобно прочим зависимостям это – винтовая лестница, уводящая вниз в поисках все большего сексуального удовлетворения. Со временем желание вступления в эротическую связь, фантазийно или в реальности, переполняет ум. Человек просто становится помешан на этом, кажется, будто вся жизнь вращается вокруг постоянного поиска потенциальных партнеров своего пола и напряженного рассмотрения каждой новой кандидатуры. Если искать какую-то аналогию в мире зависимостей, эта подобна золотой лихорадке или одержимости властью, богатством у некоторых невротиков.

«Непреодолимое» удивление, восхищение мужественностью или женственностью у людей, склонных к гомосексуальности, является причиной сопротивления тому, чтобы оставить свой образ жизни и, соответственно, гомосексуальные фантазии. С одной стороны, они несчастны от всего этого, с другой – имеют сильную склонность в тайне возвращать эти фантазии. Оставить гомосексуальное вожделение для них – это расстаться со всем тем, что придает жизни смысл. Ни общественное порицание гомосексуализма, ни преследование законом гомосексуальных контактов не могут принудить оставить этот образ жизни. По наблюдениям голландского психиатра Янссенса, высказанным им в 1939 году на конгрессе по проблемам гомосексуальности, многие гомосексуалисты не оставляют своей пагубной страсти даже ценой неоднократного лишения свободы. образу жизни гомосексуалиста свойственна тяга к страданиям; нормальной жизни он упорно будет предпочитать риск быть посаженным в тюрьму. Гомосексуалист – трагический страдалец, и опасность наказания, пожалуй, даже усиливает его возбуждение от поисков гомосексуальных связей. В наши дни гомосексуалисты нередко намеренно ищут ВИЧ-инфицированных партнеров, будучи движимы той же страстью к

трагическому саморазрушению.

В основе этой сексуальной страсти лежит питающая ее жалость к себе, влечение к трагедии невозможной любви. По этой причине гомосексуалисты в своих сексуальных контактах заинтересованы не столько в партнере, сколько в воплощении фантазий о неисполнимых желаниях. Реального партнера они не воспринимают как он есть, а по мере узнавания его в реальности соответственно угасает и невротическое влечение к нему.

Несколько дополнительных замечаний по поводу однополого секса и других зависимостей. Подобно алкогольной или наркотической зависимостям, удовлетворение от однополого секса (внутри или вне гомосексуального союза, либо посредством мастурбации) является чисто эгоцентричным. Однополый секс – это не соитие из любви, но, если называть вещи своими именами, в сущности лишь обезличенный акт, подобный совокуплению с проституткой. «Сведущие» гомосексуалисты часто согласны с таким анализом. Эгоцентричная похоть не заполняет пустоты, но только углубляет ее.

Более того, хорошо известно, что алкоголь- и нарко- зависимые склонны к тому, чтобы лгать другим и себе самим в отношении своего поведения. Сексуально-зависимые, и среди них гомосексуалисты, поступают точно так же. Гомосексуалист, состоящий в браке, часто лжет своей жене; живущий в гомосексуальном союзе – своему партнеру; гомосексуалист, желающий преодолеть стремление к гомосексуальным контактам – своему лечащему врачу и себе самому. Известно несколько трагических историй об исполненных благими намерениями гомосексуалистах, которые заявляли о разрыве с гомосексуальным окружением (вследствие религиозного обращения, например), но постепенно вернулись к этому мучительному двойному образу жизни (включающему привычный обман). И это понятно, поскольку очень трудно оставаться твердым и непреклонным в решении прекратить кормить эту зависимость. В отчаянии из-за такой неудачи эти несчастные пускаются во все тяжкие, предаваясь свободному падению в пропасть психологического и физического разрушения, как это произошло с Оскаром Уайльдом вскоре после его обращения в тюрьму. В попытке возложить всю вину за свою слабость на других и облегчить собственную совесть они теперь устремляются на ожесточенную защиту гомосексуализма и осуждают своих лечащих врачей или христианских душепопечителей, чьи взгляды они прежде разделяли и чьим указаниям следовали.

Невротичность гомосексуализма

Гомосексуальные взаимоотношения

Нет нужды в иных доказательствах: эпидемия СПИДа с достаточной ясностью показала, что гомосексуалисты в своем подавляющем большинстве гораздо более неразборчивы в половых связях, нежели гетеросексуалы. Сказка о прочности гомосексуальных «союзов» (с их лозунгом: «Чем отличается гетеросексуальный брак, кроме пола партнера?») - не более чем пропаганда с целью получения привилегий в законодательстве и признания христианскими церквями. Несколько лет назад Мартин Даннекер (1978), немецкий социолог и гомосексуалист, открыто признавал, что «у гомосексуалистов иная сексуальная природа», т.е. что частая смена партнеров свойственна их сексуальности. Концепция «прочного брака», писал он, использовалась в стратегии создания благоприятного общественного мнения о гомосексуализме, но теперь «пришло время сорвать завесу». Пожалуй, несколько опрометчиво для такой честности, т.к. концепция «прочного брака» по-прежнему успешно служит целям эмансипации, например, легализации усыновления детей гомосексуальными парами. Итак, тему взаимоотношений по-прежнему покрывает завеса лжи и замалчивания нежелательных

фактов. Известный в 60-х, начале 70-х немецкий психиатр-гомосексуалист Ганс Гизе на каждой публичной дискуссии или форуме по гомосексуализму не упускал возможности внушать идею о «прочном и длительном партнерстве», примером которого, якобы, была его собственная жизнь. Но когда он покончил с собой после разрыва отношений с очередным любовником, СМИ успешно обошли молчанием этот факт, поскольку он говорил как раз против «теории верности». Подобно этому, в 60-х годах на эстраде появился трагический образ бельгийской «поющей монахини» Сестры Сюрье. Уйдя из монастыря ради лесбийской «любви», она всем доказывала ее жизнестойкость и соответствие религиозным нормам. Спустя несколько лет она и ее любовница были найдены мертвыми, как говорят, вследствие суицида (если эта версия достоверна; как бы то ни было, место трагедии являло собой сцену романтической «смерти во имя любви»).

Двое ратующих за эмансипацию гомосексуалистов – психолог Дэвид Маквертер и психиатр Эндрю Мэттисон (1984) – изучали 156 самых устойчивых мужских гомосексуальных пар. Их заключение: «Хотя большинство гомосексуальных пар вступают в отношения с явным или скрытым намерением соблюдать сексуальное единство, только семь пар в этом исследовании оставались полностью сексуально-моногамными». Это 4 процента. Но посмотрите, что означает быть «полностью сексуально-моногамными»: эти мужчины сказали, что у них не было других партнеров в течение *менее чем пятилетнего периода*. Обратите внимание на искаженный язык авторов: выражение «соблюдение сексуального единства» является морально нейтральным и служит жалкой заменой «верности». Что же касается тех 4 процентов, то в их отношении мы можем безошибочно прогнозировать, что, даже если они и не солгали, их «постоянные» отношения развалились недолгое время спустя. Потому что таков непреложный закон. Гомосексуальное беспокойство невозможно унять: одного партнера слишком мало, потому что гомосексуалисты непрестанно движимы ненасытной жадой встречи с *недостижимым другом* из их фантазий. В сущности, гомосексуалист – это алчное, вечно голодное дитя.

Термин «*невротический*» хорошо описывает подобные взаимоотношения, подчеркивая их эгоцентризм: непрестанный поиск внимания; постоянная напряженность из-за повторяющихся жалоб: «Ты меня не любишь»; ревность с подозрениями: «Его/ее больше интересует кто-то другой». Короче говоря, «невротические взаимоотношения» подразумевают всевозможные драмы и детские конфликты, а также элементарное отсутствие интереса к партнеру, не говоря уже о несостоятельных претензиях на «любовь». Гомосексуалист ни в чем другом так не обманывается, как в изображении из себя любящего партнера. Один партнер необходим другому лишь настолько, насколько удовлетворяет его потребности. Настоящая, бескорыстная любовь к желанному партнеру фактически привела бы к разрушению гомосексуальной «любви»! Гомосексуальные «союзы» - это зависимые отношения двух «бедных я», в высшей степени поглощенных только собой.

Склонность к саморазрушению и дисфункции

Тот факт, что в основе гомосексуального образа жизни лежит неудовлетворенность, следует из высоко процента самоубийств среди «самопровозглашенных» гомосексуалистов. Раз за разом гей-лобби разыгрывает трагедию из «конфликтов совести» и «кризиса психики», в которые гомосексуалистов якобы ввергают те, кто объявляет гомосексуализм аморальным и невротичным. Этак их, бедных, можно и до суицида довести! Я знаю об одном случае самоубийства, причиной которого воинствующие голландские гомосексуалисты назвали «конфликт совести», вызванный гомосексуальностью, о чем потом громко трубили в СМИ. Эту трагическую историю поведал миру приятель погибшего, пожелавший отомстить одному влиятельному священнику, который оскорбил его своим нелюбезным замечанием о

гомосексуализме. На самом же деле, его несчастный друг вовсе не был гомосексуалистом. Гомосексуалисты, которые якобы преодолели «навязанные» им конфликты совести, сводят счеты с жизнью намного чаще, чем гетеросексуалы того же возраста. Исследование, проведенное в 1978 г. Беллом и Вайнбергом в отношении большой группы гомосексуалистов, выявило, что 20% из них предпринимали попытки суицида, от 52% до 88% - по причинам, не связанным с гомосексуализмом. Гомосексуалисты могут искать или провоцировать ситуации, в которых они ощущали бы себя трагическими героями. Их суицидальные фантазии принимают порой форму драматических «протестов» против окружающего мира с целью показать, как их не понимают и жестоко с ними обращаются. Подсознательно им хочется купаться в жалости к себе. Именно этим было мотивировано странное поведение Чайковского, когда он намеренно выпил грязной воды из Невы, что привело к болезни с фатальным исходом. Подобно невротическим романтикам прошлого века, которые топились в Рейне, бросаясь в него со скалы Лорелай, гомосексуалисты наших дней могут нарочно искать ВИЧ-инфицированных партнеров, чтобы гарантировать себе трагедию. Один гомосексуалист с гордостью заявлял о том, что он сознательно заразился СПИДом, чтобы проявить «солидарность» с несколькими умершими от этой болезни друзьями. Секулярная «канонизация» гомосексуалистов, умерших от СПИДа, способствует такому добровольному мученичеству.

На невротическую неудовлетворенность указывают и сексуальные дисфункции. Исследование, проведенное Маквертером и Мэттисоном, выявило среди гомосексуальных пар 43% страдающих импотенцией. Другой симптом невротического секса - навязчивая мастурбация. В той же группе исследования 60% прибегали к мастурбации 2-3 раза в неделю (помимо сексуальных контактов). Гомосексуалистам свойственны и многие сексуальные извращения, особенно мазохизм и садизм; не исключение и крайне инфантильная сексуальность (напр., одержимость нижним бельем, уринальный и фекальный секс).

Остающиеся подростками: инфантилизм

Внутренне гомосексуалист - это ребенок (или подросток). Этот феномен известен как «внутренний жалующийся ребенок». Некоторые на эмоциональном уровне остаются подростками почти во всех сферах поведения; у большинства, в зависимости от места и обстоятельств, «ребенок» чередуется в них с взрослым.

Для взрослого гомосексуалиста типичны манера поведения, чувства и образ мышления подростка, чувствующего себя приниженым. Он остается - отчасти - беззащитным, несчастным одиночкой, каким был в пубертате: стеснительным, нервным, прилипчивым, «покинутым», неуживчивым мальчиком, чувствующим себя отверженным своим отцом и сверстниками из-за своей непривлекательной внешности (косоглазие, заячья губа, маленький рост: то, что, по его убеждению, несовместимо с мужской красотой); избалованный, самовлюбленный мальчик; женоподобный, высокомерный, тщеславный мальчик; бесцеремонный, требовательный, но трусливый мальчик, и т.д. Все присущее индивидуальным особенностям мальчика (или девочки) полностью сохраняется. Этим объясняются поведенческие особенности, такие как детская болтливость у некоторых гомосексуалистов, слабость, наивность, нарциссический уход за телом, манера разговаривать и т.д. Лесбиянка может оставаться легкоранимой, непокорной девочкой; девчонкой-сорванцом; командиршей с манерой подражания мужской самоуверенности; вечно обиженная, угрюмая девочка, чья мать «никогда не интересовалась ею», и т.д. Подросток внутри взрослого. И все подростковое по-прежнему там: видение себя, своих родителей и остальных людей.

Как уже говорилось, наиболее распространенное восприятие себя - это обиженный, отверженный, «бедный я». Отсюда обидчивость гомосексуалистов; они «копят несправедливости», как это хорошо выразил психиатр Берглер, и склонны видеть в себе

жертву. Это объясняет нескрываемую самодраматизацию их активистов, ловко эксплуатирующих свои невроты для обретения общественной поддержки. Привыкнув к саможалости, они становятся внутренними (или открытыми) жалобщиками, зачастую хроническими жалобщиками. Саможалость не далека от протеста. Для многих гомосексуалистов типичны внутренняя (или открытая) непокорность и враждебность к обидчикам и «обществу» и решительный цинизм.

Все это имеет прямое отношение к трудностям в любви у гомосексуалиста. Его комплекс направляет его внимание к себе самому; подобно ребенку он ищет внимания, любви, признания и восхищения им. Его сосредоточенность на самом себе препятствует его способности любить, интересоваться другими, брать ответственность за других, отдавать и служить (необходимо иметь в виду, что иногда служение может стать средством привлечения к себе внимания и самоутверждения). Но «Возможно ли... для ребенка повзрослеть, если он нелюбим?», - вопрошает писатель Болдуин (Сьеринг 1988, 16). Однако постановка проблемы таким образом лишь запутывает дело. Ибо в то время как мальчик, стремившийся к любви отца, мог бы действительно быть исцелен, найди он любящего человека, который бы заменил отца, его незрелость, тем не менее, является следствием самоутешающих реакций на воображаемый недостаток любви, а не следствием недостатка любви как таковой. Подросток, который научился принимать свои страдания, прощая тех, кто его обидел - зачастую не зная об этом, в страданиях не прибегает к саможалости и протесту, и в этом случае страдания делают его взрослее. Поскольку человек эгоцентричен по природе, такое эмоциональное развитие, как правило, само не происходит, но бывают исключения, особенно когда у эмоционально обеспокоенного подростка есть замещающий родителя человек, могущий поддержать его в этой сфере. Болдуин, уверенный в невозможности взросления ребенка, которого не любят - по всей вероятности, он говорит о себе - слишком фаталистичен и упускает из виду тот факт, что даже ребенок (и уж конечно молодой человек) обладает некоторой свободой и может учиться любить. Многие невротики держатся такого самодраматизируемого поведения «никогда никем нелюбимого» и непрестанно требуют любви и компенсации от других - от супругов, друзей, детей, от общества. Истории многих невротичных преступников схожи. Они, возможно, действительно страдали от недостатка любви в своих семьях, даже были брошены, оскорбляемы; однако их стремление мстить за себя, отсутствие жалости к миру, который был так жесток к ним, - не более чем эгоистические реакции на недостаток любви. Эгоцентричный молодой человек рискует стать неисправимым себялюбцем, ненавидящим других, сам будучи жертвой жалости к себе. Болдуин прав лишь настолько, насколько дело касается его гомосексуальных чувств, т.к. они означают не истинную любовь, а только нарциссическую жажду тепла и зависть.

«Внутренний ребенок» смотрит через очки своего гендерного комплекса неполноценности на представителей не только своего пола, но и противоположного. «Половины человечества - женской - не существовало для меня вплоть до недавнего времени», - признался один гомосексуалист. В женщинах он видел образ заботливой матери, как иногда представляют женатые гомосексуалисты, или соперниц в охоте за мужским вниманием. Близость с женщиной одного с ним возраста может быть слишком угрожающей для гомосексуалиста, потому что по отношению к взрослым женщинам он чувствует себя мальчиком, не дотягивающим до роли мужчины. Это так и вне сексуального контекста для отношений мужчины и женщины. Лесбиянки воспринимают мужчин тоже как соперников: на их взгляд, мир был бы лучше без мужчин; рядом с мужчиной они чувствуют себя небезопасно, к тому же, мужчины уводят у них подруг. Гомосексуалисты зачастую не понимают ни смысла брака, ни отношений между мужчиной и женщиной, смотрят на них с завистью и нередко с ненавистью, т.к. сама «роль» мужественности или женственности раздражает их; это, одним словом, взгляд аутсайдера, чувствующего себя приниженным.

В социальном отношении, гомосексуалисты (особенно мужчины) иногда пристращаются к вызыванию симпатии к себе. Некоторые делают настоящий культ из установления все новых поверхностных приятельских отношений, достигая мастерства в искусстве очарования, и производят впечатление коммуникабельных. Они хотят быть самыми обожаемыми, самыми любимыми мальчиками в своей компании – это привычка сверхкомпенсации. Тем не менее, они редко чувствуют себя на одном уровне с другими: либо ниже, либо выше (сверхкомпенсация). Сверхкомпенсаторное самоутверждение несет на себе признак детского мышления и детской эмоциональности. Скандальным примером этого может послужить история одного молодого, низкорослого, косоглазого голландца-гомосексуалиста. Чувствуя себя непризнанным своими более симпатичными и состоятельными сверстниками, он решил воплотить в реальность свои грезы о деньгах, известности и роскоши (Корвер и Говаарс 1988, 13). Стремясь к самоутверждению, он приобрел внушительное состояние в том возрасте, когда ему было только чуть за двадцать. В своем дворце в Голливуде он устраивал грандиозные вечеринки, на которых присутствовали сливки общества. Тратя на них огромные деньги, он фактически покупал их благоволение и внимание. Он стал звездой, постоянно находился в окружении почитателей, модно одетый и ухоженный. Теперь он мог позволить себе и собственных любовников. Но в сущности, весь этот ставший реальностью сказочный мир был ложью – вся эта «дружба», «любовь», «красота», весь этот «успех в обществе». Всякий, кто знает цену такому образу жизни, понимает, насколько он нереален. Все это состояние было сколочено на торговле наркотиками, ловких интригах и мошенничестве. Его поведение граничило с психопатией: он был равнодушен к судьбе других, к своим жертвам, он «показывал язык» обществу в тщеславном наслаждении сладкой мезью. Не беда, что он умер от СПИДа в возрасте 35 лет, ведь, как он бахвалился незадолго до смерти, он прожил такую «насыщенную» жизнь. Психолог увидит в его ментальности «дитя», разочарованного «ребенка»; нищего, отвратительного аутсайдера, жаждущего богатства и друзей; ребенка, выросшего злобным, неспособным к установлению зрелых человеческих отношений, жалким покупателем «дружбы». Его губительное мышление в отношении общества было порождено чувством отвержения: «Я им ничего не должен!»

Подобное мышление не редкость у гомосексуалистов, поскольку эта враждебность вызвана комплексом «непринадлежности». По этой причине, гомосексуалистов считают ненадежными элементами в любой группе или организации. «Внутренний ребенок» в них продолжает ощущать себя отвергаемым и отвечает враждебностью. Многие гомосексуалисты (и мужчины, и женщины) стремятся создать свой, иллюзорный, мир, который был бы «лучше» реального, «изящнее»; снобистский, увлекательный, полный «приключений», удивлений и ожиданий, особенных встреч и знакомств, но в действительности полный безответственного поведения и поверхностных связей: подростковое мышление.

У людей с гомосексуальным комплексом эмоциональные узы с родителями остаются такими, какими они были в детстве и подростковом возрасте: у мужчин это зависимость от матери; отвращение, презрение, страх или равнодушие к отцу; амбивалентные чувства в отношении матери и (реже) эмоциональная зависимость от отца – у женщин. Подобная эмоциональная незрелость находит дальнейшее отражение в том факте, что лишь немногие гомосексуалисты желают иметь детей, поскольку сами они, подобно детям, слишком погружены в мысли о себе и желают, чтобы все внимание принадлежало только им.

Например, двое гомосексуалистов, удочеривших ребенка, позднее признались, что хотели лишь порисоваться, «как будто она была ультрамодной собачкой. Все на нас обращали внимание, когда мы, стильные гомосексуалисты, входили с ней в салон». Лесбийские пары, желающие иметь ребенка, преследуют те же эгоистические цели. Они «играют в дочки-матери», бросая этим вызов настоящей семье, действуя из кичливых побуждений дерзкого ума.

В некоторых случаях они полубессознательно стремятся к тому, чтобы вовлечь в лесбийские отношения и приемную дочь. Государство, легализующее подобные неестественные отношения, берет на себя вину за скрытое, но серьезное насилие над детьми. Социальные реформаторы, которые пытаются навязать свои бредовые идеи о «семье», включая гомосексуальную семью, вводят общество в заблуждение, как и в других областях, имеющих отношение к гомосексуализму. Для способствования легализации усыновления гомосексуальными «родителями» они прибегают к цитированию исследований, «доказывающих», будто дети, воспитанные гомосексуалистами, вырастают психически здоровыми. Подобные «исследования» не стоят и бумаги, на которой написаны. Это псевдонаучное вранье. Всякий, располагающий более достоверной информацией о детях, имевших таких «родителей» и получивших соответствующее развитие, знает, в какой ненормальной и печальной ситуации они находятся. (О манипуляциях в исследованиях родителей-гомосексуалистов см. Камерон 1994).

Подведем итог: основными характеристиками психики ребенка и подростка являются эгоцентричные мышление и эмоции. Детско-подростковую личность взрослого человека с гомосексуальным комплексом пронизывают детскость и порой явный эгоизм. Его бессознательная жалость к себе, его видение себя жалким и соответствующее к себе отношение, наряду с «компенсирующим» влечением к эротическим связям ради «привлечения внимания» и другим способам самооблажения и самоутешения, являются чисто инфантильными, т.е. эгоцентричными. Кстати, люди интуитивно чувствуют такое «дитя» и занимают покровительственную позицию в отношении члена гомосексуальной семьи, друга или коллеги гомосексуалиста, относясь к нему в действительности как к особенному, «ранимому», ребенку.

Нет сомнений в том, что гомосексуальные отношения и «союзы» отмечены признаками инфантильности. Подобно отношениям двух закадычных друзей, эта подростковая дружба исполнена инфантильной ревности, ссор, взаимного недовольства, раздражительности и угроз, и неизбежно заканчивается драмой. Если они «играют в семью», то это ребяческое подражательство, смехотворное и в то же время жалкое. Живший в начале XX века голландский писатель-гомосексуалист Луис Куперус рассказывал о своей детской жажде дружбы со своим веселым, сильным, надежным дядей:

«Я хотел быть с дядей Франком всегда, вечно! В своих детских фантазиях я представлял, будто я и дядя – супруги» (Ван ден Аардвег 1965). Для ребенка нормальный брак служит примером того, как двое могут жить вместе. Два печальных одиноких «внутренних ребенка» внутри двух гомосексуалистов могут имитировать в своих фантазиях такие отношения – до тех пор, пока длится игра. Это фантазии двух наивных ребятшек, отвергнутых миром. Один журнал поместил фотографию церемонии «бракосочетания» в здании муниципалитета двух голландских лесбиянок. Несомненно, это была подростковая демонстрация независимости и самоутверждение, но также и очевидная игра в семью. Одна из двух женщин, более высокая и грузная, была одета в черный костюм жениха, а другая – пониже и постройнее – в платье невесты. Детская пародия на поведение взрослого дяди и тети и «вечной преданности». Но безумнее вели себя так называемые нормальные люди, как будто всерьез одобрявшие эту игру. Будь они честнее с самими собой, они должны были бы признать, что их разум и эмоции видят во всем происходящем лишь неудачную шутку.

Невротик из-за дискриминации?

«С раннего детства я отличался от всех». Многие гомосексуалисты, возможно, половина, могут сказать о подобном ощущении. Тем не менее, они ошибаются, если ставят знак равенства между ощущением отличия и гомосексуальностью. Ошибочное принятие своего отличия в

детстве за выражение и доказательство гомосексуальной природы подтверждает желание рационалистически объяснить гомосексуальный образ жизни, как в случае с хорошо разрекламированной работой психоаналитика-гомосексуалиста Р.А. Айсэя (1989).

Во-первых, его теорию гомосексуальности можно назвать теорией лишь с трудом. Он не дает ответа на вопрос о причине (причинах), считая их «маловажными», потому что «с этим ничего нельзя поделать» (Шнабель 1993, 3). Даже если это так, то подобная логика абсолютно ненаучна. Можно ли назвать причины, вызывающие рак, преступность, алкоголизм маловажными потому лишь, что мы не в состоянии излечить многие формы этих недугов? Раздражение и циничность автора стали результатом его развалившегося брака и неудач в психоаналитической практике. Он пытался, но потерпел неудачу, после чего нашел убежище в знакомой самооправдательной стратегии: назвать преступлением попытки изменить гомосексуалистов, этих жертв дискриминации, а их «природу» - неприкосновенным фактом, не подлежащим никаким сомнениям. Великое множество разочарованных гомосексуалистов реагировали подобным образом. Французский предтеча гомосексуального движения Андре Жид, оставив жену и пустившись в педофильные приключения, принял в двадцатые годы такую драматическую позу: «Я таков, каков есть. И с этим ничего не поделаешь». Это оборонительная стойка жалеющего себя пораженца. Понятная, возможно, - однако остающаяся самообманом. Сдавшийся человек знает, что он проиграл из-за недостатка стойкости и честности. Айсэй, к примеру, постепенно скатывался в ведение двойной жизни тайных гомосексуальных поисков и почтенного отца семейства и доктора. В этом он подобен тем «экс-геям», которые надеются оставить гомосексуализм благодаря обращению в христианство, но не могут утвердиться в своем незрелом убеждении в «освобождении», и в конце концов теряют всякую надежду. Кроме того, их мучает «виноватая совесть». Их объяснения продиктованы не логикой, но самозащитой.

Как психиатр Айсэй не может не признавать существования у гомосексуалистов многочисленных «патологических и извращенных» черт (Шнабель), но все же объясняет их как результат длительного отвержения: отцом, сверстниками, обществом. Невротик? Это последствия дискриминации. Эта идея не нова; к ней постоянно прибегают те гомосексуалисты, которые признают у себя невротическую эмоциональность, но избегают рассматривать в свете истины свою гомосексуальность. Однако невозможно отделить гомосексуальное желание от невроза. Я неоднократно слышал от клиентов: «Я хочу избавиться от невроза, он мешает моим гомосексуальным контактам. Я хочу иметь удовлетворительные сексуальные отношения, но не хочу менять своей сексуальной ориентации». Что ответить на подобную просьбу? «Если мы начнем работать над вашими невротическими эмоциями и комплексом неполноценности, это автоматически повлияет и на ваши гомосексуальные чувства. Потому что они - проявление вашего невроза». И так оно и есть. Чем меньше депрессий у гомосексуалиста, тем он более стабилен эмоционально, тем менее эгоцентричным он становится и тем меньшую гомосексуальную расположенность он в себе чувствует.

Внешне оборонительная теория Айсэя - и других гомосексуалистов - может показаться вполне убедительной. Однако перед лицом психологических фактов она начинает разваливаться. Допустим, что «гомосексуальная природа» каким-то непостижимым образом наследуется ребенком с рождения или усваивается вскоре после рождения. Может ли по этой причине подавляющее большинство отцов автоматически «отвергнуть» такого сына? Неужели отцы проявляют такую жестокость из-за того, что их сыновья как-то «отличаются» от других (и отвергают их еще до того, как выяснится, что это «отличие» имеет гомосексуальную «природу»? Например, отвергают ли отцы сыновей с дефектами? Разумеется, нет! Да даже если маленький мальчик и обладает отличающейся «природой», то, хотя, возможно, и найдется определенный тип отцов, которые отнеслись бы к нему с отвержением, но гораздо

больше тех, кто отзовется с заботой и поддержкой.

Более того. Для человека, понимающего детскую психологию, покажется нелепым предположение, будто маленькие мальчики начинают жизненный путь со склонности к эротической влюбленности в своих отцов (что, по теории Айсэя, исходит из их гомосексуальной природы). Такой взгляд искажает реальность. Многие прегомосексуальные мальчики желали тепла, объятий, одобрения своего отца – ничего эротического. И если отцы в ответ отвергали их или им казалось, что «отвергали», то неужели следовало ожидать, чтобы они были довольны таким к себе отношением?

Теперь об ощущении «отличия». Для его объяснения не требуется мифа о гомосексуальной «природе». Мальчик с феминными наклонностями, тянувшийся к матери, чрезмерно опекаемый, не имевший в раннем детстве отцовского или другого мужского влияния, естественным образом станет чувствовать себя «отличающимся» в компании с теми мальчиками, у которых вполне развиты мальчишеские склонности и интересы. С другой стороны, ощущение «отличия» не является, как уверяет Айсэй, сомнительной привилегией прегомосексуалистов. «Отличающимися» чувствовали себя в юности и большинство гетеросексуальных невротиков. Другими словами, нет никакой причины видеть в этом гомосексуальной предрасположенности.

Теория Айсэя страдает и из-за других несоответствий. У огромного числа гомосексуалистов не было никакого ощущения «отличия» вплоть до подросткового возраста. В детстве они осознавали себя частью компании, но вследствие переезда, перехода в другую школу и т.п. у них развилось чувство изоляции, т.к. в новом окружении они не смогли приспособиться к тем, кто отличался от них социально, экономически или как-то еще.

И наконец, если кто-то верит в существование гомосексуальной природы, то он должен поверить и в педофильную природу, фетишистскую, садомазохистскую, зоофильную, трансвеститскую и т.д. Существовала бы особая «природа» эксгибициониста, возбуждающегося от демонстрации своего члена проходящим мимо его окон женщинам. А голландец, арестованный недавно за то, что в течение восьми лет предавался «неудержимому» влечению подглядывать за женщинами в душе, мог бы похвалиться вуайеристской «природой»! Тогда та молодая женщина, которая, чувствуя себя нежеланной своим отцом, ненасытно отдавалась мужчинам на десять лет старше себя, несомненно, обладала «природой» нимфоманки, отличной от нормальной гетеросексуальной природы, а ее расстройство, связанное с фигурой отца, всего лишь совпадение.

Гомосексуалист Айсэй рисует себя жертвой таинственной, покрытой мраком, судьбы. Такое видение, в сущности, является пубертальным самоτραгедизированием. Гораздо менее жалостным для эго было бы понимание того, что гомосексуальность связана с незрелой эмоциональностью! Если теория Айсэя о гомосексуальной «природе» истинна, то является ли частью этой его неизменной и непостижимой «природы» психологическая незрелость гомосексуалиста, его «детскость» и чрезмерная озабоченность собой?

Невротик из-за дискриминации? Огромное число людей с гомосексуальными наклонностями признают, что они страдали не столько от социальной дискриминации, сколько от сознания своей неспособности к нормальной жизни. Ярые сторонники гомосексуального движения немедленно заявят: «Да, но это страдание и есть результат направленной внутрь социальной дискриминации. Они не страдали бы, если бы общество относилось к гомосексуализму как к норме». Все это дешевая теория. На нее купится разве лишь тот, кто не хочет видеть самоочевидной биологической противоестественности гомосексуализма и прочих сексуальных нарушений.

Таким образом, порядок вещей не таков, будто ребенок вдруг осознает: «Я гомосексуалист», *вследствие чего* подвергается невротизации от самого себя или других людей. Верное проследивание психоисторий гомосексуалистов говорит о том, что они прежде всего испытывают чувство «непринадлежности», приниженности по отношению к сверстникам, одиночества, нелюбви одного из родителей и т.д. И очевидно, что по этой причине они впадают в депрессию и подвергают себя невротизации. Гомосексуальное влечение проявляется не до, а *после* и *как следствие* этих переживаний отверженности.

Не-невротичные гомосексуалисты?

Бывают ли такие? Можно было бы ответить утвердительно, если бы социальная дискриминация действительно была причиной бесспорно высокого числа невротически обусловленных эмоциональных, сексуальных и межличностных нарушений у гомосексуалистов. Но существование не-невротичных гомосексуалистов – это выдумка. В этом можно убедиться благодаря наблюдениям и самонаблюдениям гомосексуально предрасположенных людей. Более того, существует определенная связь между гомосексуальностью и различными психоневрозами, такими как обсессивно-компульсивные синдромы и руминации, фобии, психосоматические проблемы, невротические депрессии и параноидные состояния.

Согласно исследованиям с применением психологических тестов все группы гомосексуально предрасположенных людей, прошедших наилучшее тестирование на предмет выявления невроза или «невротизма», показали положительные результаты. Причем вне зависимости от того, были ли тестируемые социально адаптированы или нет, все без исключения были отмечены как невротики (Ван ден Аардвег, 1986).

[Предупреждение: некоторые тесты непрофессионально представляют как тесты на невроз, хотя они таковыми не являются.]

Некоторые люди, страдающие этим недугом, могут сначала показаться не невротичными. Иногда о каком-либо гомосексуалисте говорят, что он всегда счастлив и удовлетворен и не доставляет проблем. Однако, если познакомиться с ним поближе и лучше узнать о его личной жизни и внутреннем мире, то такое мнение не подтвердится. Как и в случае со «стабильными, счастливыми и крепкими гомосексуальными браками», при более тщательном рассмотрении первое впечатление не оправдывается.

Норма в других культурах?

«Наша иудео-христианская традиция не приемлет гомосексуального «варианта», в отличие от других культур, считающих его нормой» - это еще одна сказка. Ни в одной культуре и ни в одну эпоху гомосексуализм – понимаемый как влечение к представителям своего пола более сильное, нежели к представителям противоположного – не считался нормой. Сексуальные действия между представителями одного пола могут до некоторой степени считаться приемлемыми в некоторых культурах, особенно если эти действия относятся к обрядам инициации. Но реальный гомосексуализм всегда считался выходящим за рамки нормы.

И все же в других культурах гомосексуализм встречается не настолько часто, как у нас. Насколько же в действительности часто встречается гомосексуализм в нашей культуре? Намного реже, чем предполагают воинствующие гомосексуалисты и СМИ. Гомосексуальные чувства имеют от одного до двух процентов населения максимум, включая бисексуалов. Такое процентное отношение, которое можно вывести из доступных примеров (Ван ден Аардвег 1986, 18), было недавно признано институтом Алана Гуттмахера (1993) истинным для США. В Великобритании этот процент равняется 1,1 (Веллингс и др. 1994; наиболее достоверный сбор

информации по этому вопросу см. Камерон 1993, 19).

Из нескольких тысяч жителей небольшого племени Самбия, что в Новой Гвинее, нашелся только один гомосексуалист. Фактически он был педофилом (Штоллер и Гердт 1985, 401). Описывалась не только ненормальность его сексуальности, но и поведения в целом: он был «холодный», «испытывающий неудобство на людях» (выказывал чувства унижения, неуверенности), «замкнутый», «угрюмый», «известный своим сарказмом». Это описание невротика, явного аутсайдера, который чувствует себя приниженным и имеет враждебное отношение к «другим».

Этот человек «отличался» тем, что насколько мог, избегал мужских занятий, таких как охота и сражения, предпочитая им разведение овощей, что было занятием его матери. Его социально-психологическая позиция дала понимание происхождения его сексуального невроза. Он был единственным и незаконнорожденным сыном женщины, брошенной своим мужем и поэтому презираемой всем племенем. Представляется возможным, что одинокая покинутая женщина очень сильно привязала к себе мальчика, отчего он рос не как обычные мальчишки - что характерно для прегомосексуальных мальчиков и в нашей культуре, матери которых воспринимают их просто как детей и, при отсутствии отцов, живут с ними в очень тесной близости. Мать этого мальчика была озлоблена на весь род мужской и поэтому, как можно предположить, не заботилась воспитать из него «настоящего мужчину». Его детство было охарактеризовано социальной изоляцией и отвержением - приниженный сын брошенной женщины. Существенным является то, что, в противоположность мальчикам его возраста, гомосексуальные фантазии начались у него с предпубертативного периода. Фантазии не столько выражают сексуальное поведение само по себе, сколько способствуют преодолению сильных различий. В данном случае это очевидно, поскольку всех мальчиков этого племени учили сексуальным отношениям: сначала с более старшими ребятами, в роли пассивных партнеров; затем, по мере взросления, - с теми, кто младше, в роли активных. Смысл этого ритуала инициации в том, чтобы подростки получали силу старших. В двадцать с небольшим они женятся. И что интересно, с приближением этого события их *фантазии становятся гетеросексуальными* несмотря на прежнюю практику пассивного и активного гомосексуализма. Единственный в племени гомосексуалист-педофил, которого обследовали Штоллер и Гердт, имея наравне с другими мальчиками сексуальные отношения со старшими ребятами, очевидно, не чувствовал эмоциональной связи с ними, т.к. его эротические фантазии сосредоточивались на *мальчиках*. Из этого можно заключить, что он болезненно переживал отверженность сверстниками и ощущал себя отличающимся, главным образом - от других мальчиков, аутсайдером.

Пример племени Самбия показывает, что гомосексуальные действия - это не то же, что гомосексуальные интересы. «Настоящий» гомосексуализм - достаточно редкое явление в большинстве культур. Один образованный житель Кашмира выразил мне однажды свое убеждение в том, что гомосексуализм в его стране не существует, то же самое я слышал от одного священника, в течение более чем сорока лет трудившегося в северо-восточной части Бразилии, уроженца той области. Мы можем возразить, что, возможно, есть скрытые случаи, хотя уверенности в этом нет. Можно также предположить, что то различие, с каким в тех странах относятся к мальчикам и девочкам, и то единодушное отношение к мальчикам как к мальчикам и к девочкам как к девочкам, с соответствующим уважением, является прекрасным профилактическим средством. Мальчиков поощряют ощущать себя мальчиками, а девочек - девочками.

Совращение

Изучение племени Самбия может помочь в понимании того, как совращение способствует развитию гомосексуальности. Совращение нельзя считать решающим причинным фактором у детей и подростков с нормальной уверенностью в своем гендере. Однако оно имеет более важное значение, чем ему придавали в течение нескольких десятилетий. В одном английском исследовании говорилось, что, хотя 35% опрошенных мальчиков и 9% девочек признались в том, что их пытались гомосексуально совратить, только 2% мальчиков и 1% девочек ответили согласием. В таком случае мы можем посмотреть на этот факт под другим углом. Не будет нереалистичным предположить, что совращение может причинить вред тогда, когда у молодого человека уже складывается комплекс гендерной неполноценности или когда его пубертальные фантазии начали сосредотачиваться на объектах своего пола. Совращение, иными словами, может усилить формирование гомосексуальности, а иногда даже зажечь гомосексуальные желания в тех подростках, которые неуверенны в своем гендере. Мне несколько раз говорили об этом гомосексуалисты мужчины. Типичная история звучит так: «Один гомосексуалист относился ко мне с добротой и вызывал во мне симпатию. Он пытался меня совратить, но сначала я отказывался. Позже я стал фантазировать о том, чтобы иметь сексуальную связь с другим молодым человеком, который мне нравился и с кем я хотел подружиться». Поэтому совращение не так уж невинно, как некоторые хотят нас в этом уверить (такая идея является пропагандой педофилии и усыновления детей гомосексуалистами). Подобным образом, «сексуальная атмосфера» в доме – порнография, гомосексуальные фильмы – также может укрепить еще неопределенные гомосексуальные интересы. Некоторые гомосексуалисты с большой вероятностью могли бы стать гетеросексуалами, если бы в критический период эмоционально неустойчивого подросткового возраста у них не возникли гомосексуальные фантазии. Они, возможно, спокойно переросли бы свое пубертальное, во многом неглубокое, эротическое обожание друзей и кумиров своего пола. У некоторых девочек гетеросексуальное совращение содействовало, или усилило, уже существовавшие гомосексуальные увлечения. Тем не менее, это нельзя считать единственной причиной; мы не должны упускать из виду связи с предшествующим развитием чувства неженственности.

Моральность гомосексуальности

Гомосексуальность и совесть

Тему совести сильно недооценивают современная психология и психиатрия. Морально нейтральный термин, заменяющий понятие совести, так называемое суперэго Фрейда, не может объяснить психологической динамики истинного нравственного сознания человека. Суперэго определяют как совокупность всех постигнутых правил поведения. «Хорошее» и «плохое» поведение зависит не от нравственного абсолюта, а от набора культурных, в высшей степени условных, правил. Стоящая за этой теорией философия утверждает, что нормы и ценности относительны и субъективны: «Кто я такой, чтобы сказать тебе, что для тебя хорошо, а что плохо; что нормально, а что нет».

На самом же деле все, включая современного человека, так или иначе, более или менее четко «знают» о существовании «вечных», как их называли даже древние, нравственных законов и тотчас же и самостоятельно различают воровство, ложь, обман, измену, убийство, изнасилование и т.д. как зло по сути (поступки злые сами в себе), а щедрость, мужество, честность и верность – как добро и красоту по сути. Хотя нравственность и безнравственность наиболее заметны в поведении других (Уилсон 1993), мы различаем эти качества и в себе самих тоже. Есть внутреннее различие неправильных в своей сути дел и намерений, как бы

эго это различие ни стремилось подавить, чтобы только не оставить этих дел и намерений. Этот внутренний нравственный суд есть работа аутентичного сознания. Хотя и верно то, что некоторые проявления нравственной самокритики бывают невротичными, а оценка совести искаженной, в большинстве случаев человеческая совесть свидетельствует об объективных нравственных реалиях, которые больше, чем просто «культурные предрассудки». Нам не хватает места, если мы начнем приводить психологическую информацию и факты для подкрепления этой точки зрения. Тем не менее, для непредвзятого наблюдателя наличие «аутентичного сознания» очевидно.

Это замечание не является излишним, потому что совесть – это психический фактор, которым легко пренебрегают в дискуссиях на темы вроде гомосексуализма. Например, мы не можем пренебречь феноменом подавления совести, который, согласно Кьеркегору, более важен, чем подавление сексуальности. Подавление совести никогда не бывает полным и без последствий, даже у так называемых психопатов. В глубине сердца продолжает оставаться осознание вины или, в христианских терминах, греховности.

Знание об аутентичном сознании и его подавлении чрезвычайно важно для любого вида «психотерапии». Потому что совесть – постоянный участник мотивации и поведения.

(Иллюстрацией того психологического факта, что собственные сексуальные желания не считаются такими безнравственными, как сексуальные желания других, служит моральное отвращение гомосексуалистов к педофилии. В своем интервью один гомосексуальный порно-магнат из Амстердама изливал потоки возмущения педофильными наклонностями своего коллеги, называя их «безнравственными»: «Секс с такими маленькими детками!» Далее он выражал надежду на то, что преступник будет осужден и получит хорошую трепку («De Telegraaf» 1993, 19). На ум автоматически приходит мысль: использовать невинных детей и подростков для удовлетворения чьей-то извращенной похоти – это грязно. Этот человек показал собственную способность к нормальной нравственной реакции на поведение других людей; и в то же время – слепоту в оценке собственных усилий по совращению молодых и старых к различным гомосексуальным действиям и обогащения за их счет: та же слепота, которой поражен тот педофил в отношении своей безнравственности.)

Терапевт, не разбирающийся в этом, не может по-настоящему понять того, что происходит во внутренней жизни многих клиентов, и подвергается риску неверно истолковать важные аспекты их жизни и нанести этим вред. Не воспользоваться светом совести клиента, каким бы тусклым он ни был, означает ошибиться в выборе наиболее подходящих средств и правильных стратегий. Никто из современных специалистов в области поведения не выделял функции аутентичного сознания (вместо фрейдистского эрзаца) как основной в личности человека, даже у пациентов с серьезными умственными нарушениями, более решительно, чем знаменитый французский психиатр Анри Барюк (1979).

Несмотря на это, многим в наши дни труднее убедить себя в том, что, кроме всеобщих нравственных абсолютов, должны существовать универсальные нравственные ценности и в сексуальности. Но, вопреки доминирующей либеральной сексуальной этике, многие типы сексуального поведения и желаний по-прежнему зовутся «грязными» и «отвратительными». Другими словами, чувства людей в отношении к аморальному сексу не сильно изменились (особенно когда это касается поведения других). Сексуальная похоть, ищущая удовлетворения исключительно для себя, с помощью или без другого человека, вызывает в других особенное чувство неприятия и даже отвращения. И наоборот, самодисциплина в нормальной сексуальности – целомудрие, в христианских терминах, – повсеместно уважаема и чтима.

То, что сексуальные извращения всегда и везде считались аморальными, говорит не только об

их неестественности и бесцельности, но и об абсолютной сосредоточенности на себе. Подобным образом несдерживаемое обжорство, пьянство и алчность воспринимаются людьми, далекими от такого поведения, с отвращением. Поэтому гомосексуальное поведение вызывает в людях резко отрицательное отношение. По этой причине гомосексуалисты, защищающие свой образ жизни, не акцентируют внимания на своих сексуальных действиях, но вместо этого на все лады превозносят гомосексуальную «любовь». А для объяснения психологически нормального отвращения, которое вызывает в людях гомосексуализм, они изобрели идею о «гомофобии», делая нормальное ненормальным. Но многие из них, и не только получившие христианское воспитание, признают, что чувствуют вину за свое поведение (например, бывшая лесбиянка говорит о своем «ощущении греха» в Howard 1991). Многие испытывают отвращение к самим себе после вступления в гомосексуальную связь. Симптомы вины присутствуют даже у тех, кто называет свои контакты не менее как прекрасные. Определенные проявления беспокойства, напряжения, неспособность по-настоящему радоваться, склонность к осуждению и раздражению объясняются голосом «виноватой совести». Сексуально зависимым очень трудно признать глубокое нравственное неудовлетворение собой. Сексуальная страсть старается затуманить обычно более слабые нравственные чувства, что, тем не менее, ей не совсем удается.

Значит, самым решающим и лучшим для гомосексуалиста аргументом против потакания своим фантазиям будет собственное внутреннее чувство того, что чисто и что нечисто. Но как довести его до сознания? Честностью перед самим собой, в тихом размышлении, учась слушать голос своей совести и не слушать такие внутренние доводы, как: «А почему бы и нет?» или «Я не могу бросить удовлетворять эту страсть» или «Я имею право следовать своей природе». Выделить определенное время для того, чтобы учиться слушать. Поразмышлять над вопросами: «Если я внимательно и без предубеждений прислушаюсь к происходящему в глубинах моего сердца, как я отнесусь к своему гомосексуальному поведению? К воздержанию от него?» Только искреннее и смелое ухо услышит ответ и узнает совет совести.

Религия и гомосексуализм

Один молодой христианин, имевший гомосексуальные наклонности, рассказывал мне, что, читая Библию, он нашел основания для того, чтобы примирить свою совесть с гомосексуальными отношениями, в которых он состоял на тот момент, при условии, если останется верным христианином. Как и следовало ожидать, через некоторое время он оставил это намерение, продолжая свое поведение, и его вера увяла. Такова судьба многих молодых людей, пытающихся примирить непримиримые вещи. Если им удастся убедить себя в том, что гомосексуализм в нравственном отношении хорош и прекрасен, то они либо теряют веру, либо изобретают свою собственную, которая одобряет их страсть. Примеров обеих возможностей не счесть. Например, хорошо известный голландский актер-гомосексуалист, католик, играет в настоящее время роль священника-самозванца, который «благословляет» на брачных церемониях молодые пары (не исключая и гомосексуальные, естественно) и совершает обряды на похоронах.

Таким образом, возникает интересный вопрос: почему столько гомосексуалистов, протестантов и католиков, мужчин и женщин, интересуются теологией и нередко становятся служителями или священниками? Частично ответ кроется в их инфантильной нужде во внимании и близости. Церковное служение видится им как приятная и сентиментальная «забота», и они представляют себя в нем уважаемыми и почтенными, вознесенными выше обычных человеческих существ. Церковь представляется им как свободный от соперничества дружественный мир, в котором они могут наслаждаться высоким положением и в то же время быть защищенными. Для гомосексуалистов мужчин существует дополнительный стимул в виде

довольно закрытого мужского сообщества, в котором им нет необходимости проявлять себя как мужчинам. Лесбиянок, в свою очередь, притягивает исключительное женское сообщество, наподобие женского монастыря. Кроме этого, кому-то нравится та елейность, которая ассоциируется у них с манерами и поведением пастырей и которая соответствует их собственным чересчур дружелюбным и мягким манерам. В католичестве и православии привлекательны одеяния священников и эстетика ритуалов, что для детского восприятия мужчин-гомосексуалистов представляется женственностью и позволяет нарциссически обратить на себя внимание, что сравнимо с эксгибиционистским удовольствием, испытываемым танцорами-гомосексуалистами.

Любопытно, что лесбиянок может привлекать роль священника. В этом случае, для тех, кто имеет чувство непринадлежности, привлекательность кроется в общественном признании, а также в возможности доминировать над другими. Удивительно то, что некоторые христианские деноминации не препятствуют стремлению гомосексуалистов к священническим функциям; в некоторых древних цивилизациях, в античности, например, гомосексуалисты исполняли священническую роль.

Итак, подобные интересы произрастают по большей части из эгоцентричных представлений, которые не имеют абсолютно ничего общего с христианской верой. И то, что некоторые гомосексуалисты воспринимают как «призвание» к служению, есть тяга к эмоционально насыщенному, но эгоцентричному, образу жизни. Это «призвание» является выдуманным и ложным. Не приходится и говорить о том, что эти служители и священники проповедуют мягкий, гуманистический вариант традиционных представлений, особенно нравственных принципов, и извращенное понятие любви. Более того, они склонны к созданию гомосексуальной субкультуры внутри церковных общин. Этим они представляют скрытую угрозу здоровому учению и подрывают церковное единство своей привычкой к формированию разрушительных группировок, не считающих себя подотчетными официальному церковному сообществу (читатель может вспомнить гомосексуальный комплекс «непринадлежности»). С другой стороны, им как правило недостает уравновешенности и силы характера, необходимых для несения служения отеческого наставления.

Может ли истинное призвание сопровождаться гомосексуальным поведением? Не осмелюсь отрицать этого полностью; в течение ряда лет я видел несколько исключений. Но, как правило, гомосексуальная ориентация, проявляется ли она на практике или выражается лишь в личной эмоциональной жизни, должна безусловно расцениваться как доказательство не сверхъестественного источника проявления интереса к священству.